

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Столичный повеса Евгений Онегин, получив наследство, уезжает в деревню, где знакомится с поэтом Ленским, его невестой Ольгой и ее сестрой Татьяной. Татьяна влюбляется в Онегина, но он не отвечает ей взаимностью. Ленский, приревновав невесту к другу, вызывает Онегина на дуэль и гибнет. Татьяна выходит замуж и становится великосветской дамой. Теперь уже Евгений в нее влюбляется, но Татьяна сохраняет верность мужу. В этот момент автор прерывает повествование — «роман оканчивается ничем»¹.

Хотя сюжет «Евгения Онегина» небогат событиями, роман оказал огромное воздействие на русскую словесность. Пушкин вывел на литературную авансцену социально-психологические типы, которые

будут занимать читателей и писателей нескольких последующих поколений. Это «лишний человек», (анти)герой своего времени, скрывающий свое истинное лицо за маской холодного эгоиста (Онегин); наивная провинциальная девушка, честная и открытая, готовая на самопожертвование (Татьяна в начале романа); поэт-мечтатель, гибнущий при первом столкновении с реальностью (Ленский); русская женщина, воплощение изящества, ума и аристократического достоинства (Татьяна в конце романа). Это, наконец, целая галерея характерологических портретов, представляющих русское дворянское общество во всем его разнообразии (циник Зарецкий, «старики» Ларины, провинциальные помещики, московские баре, столичные франты и многие, многие другие).

Александр Пушкин. Около 1830 года

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Роман писался восемь с половиной лет: с 9 мая 1823-го по 5 октября 1831 года.

Две первых главы и начало третьей написаны в «южной ссылке» (в Кишиневе и Одессе) с мая 1823-го по июль 1824 года. Пушкин настроен скептически и критически к существующему порядку вещей. Первая глава — сатира на современное дворянство; при этом Пушкин сам, подобно Онегину, ведет себя вызывающе и одевается как денди. Одесские и (в меньшей степени) молдавские впечатления отразились в первой главе романа и в «Путешествии Онегина».

Центральные главы романа (с третьей по шестую) окончены в «северной ссылке» (в псковском родовом имении — селе Михайловском) в период с августа

1824-го по ноябрь 1826 года. Пушкин испытал на себе (и описал в главе четвертой) скуку жизни в деревне, где зимой нет никаких развлечений, кроме книг, выпивки и катания в санях. Главное удовольствие — общение с соседями (у Пушкина это семейство Осиповых-Вульф, проживавших в имении Тригорском неподалеку от Михайловского). Так же проводят время герои романа.

Новый император Николай I вернул поэта из ссылки. Теперь Пушкин постоянно бывает в Москве и Петербурге. Он «суперзвезда», самый модный поэт России. Седьмая (московская) глава, начатая в августе–сентябре 1827 года, была окончена и переписана 4 ноября 1828 года.

Но век моды недолог, и к 1830 году популярность Пушкина сходит на нет. Утратив внимание современников, за три месяца Болдинской осени (сентябрь–ноябрь 1830-го) он напишет десятки произведений, составивших его славу у потомков. Помимо прочего, в нижегородском родовом имении Пушкиных Болдине завершены «Путешествие Онегина» и восьмая глава романа, а также частично написана и сожжена так называемая десятая глава «Евгения Онегина».

Почти год спустя, 5 октября 1831 года, в Царском Селе написано письмо Онегина. Книга готова. В дальнейшем Пушкин только перекомпоновывает текст и редактирует отдельные строфы.

«Евгений Онегин» концентрирует главные тематические и стилистические находки предшествующего творческого десятилетия: тип разочарованного героя напоминает о романтических элегиях и поэме «Кавказский пленник», обрывочная фабула — о ней же и о других «южных» («байронических») поэмах Пушкина, стилистические контрасты и авторская ирония — о поэме «Руслан и Людмила», разговорная интонация — о дружеских стихотворных посланиях поэтов-арзамасцев*¹.

При всем том роман абсолютно анти-традиционен. В тексте нет ни начала (ироническое «вступление» находится в конце седьмой главы), ни конца: за открытым финалом следуют отрывки из «Путешествия Онегина», возвращающие читателя сначала в середину фабулы, а затем, в последней строчке, — к моменту начала работы автора над текстом («Итак я жил тогда в Одессе...»). В романе отсутствуют традиционные признаки романного сюжета и привычные герои: «Все виды и формы литературности обнажены, открыто явлены читателю и иронически сопоставлены друг с другом, условность любого способа выражения насмешливо продемонстрирована автором»². Вопрос «Как писать?» волнует Пушкина не меньше, чем вопрос «О чем писать?». Ответом на оба вопроса становится «Евгений Онегин». Это не только роман,

*¹ «Арзамас» — литературный кружок, существовавший в Петербурге в 1815–1818 годах. Его членами были как поэты и писатели (Пушкин, Жуковский, Батюшков, Вяземский, Кавелин), так и политические деятели. Арзамасцы выступали против консервативной политики и архаичных литературных традиций. Отношения внутри кружка были дружескими, а собрания были похожи на веселые посиделки. Для поэтов-арзамасцев излюбленным жанром было дружеское послание, ироничное стихотворение, полное намеков, понятных только адресатам.

Кабинет Пушкина в музее-усадьбе «Михайловское»

но и метароман (роман о том, как пишется роман).

Обойтись без захватывающего сюжета Пушкину помогает стихотворная форма («...я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница»³). Особую роль в конструкции текста приобретает автор-повествователь, который своим постоянным присутствием мотивирует бесчисленные отступления от основной интриги. Такие отступления принято именовать лирическими, но в реальности они оказываются самыми разными — лирическими, сатирическими, литературно-полемическими, какими угодно. Автор говорит обо всем, о чем сочтет нужным («Роман требует болтовни»⁴), — и повествование движется при почти неподвижном сюжете.

Пушкинскому тексту свойственны множественность точек зрения, выражаемых

автором-повествователем и персонажами, и стереоскопическое совмещение противоречий, возникающих при столкновении различных взглядов на один и тот же предмет. Оригинален или подражателен Евгений? Какое будущее ждало Ленского — великое или заурядное? На все эти вопросы в романе даны разные, причем взаимоисключающие ответы. «За таким построением текста лежало представление о принципиальной неместимости жизни в литературу», а открытый финал символизировал «неисчерпаемость возможностей и бесконечной вариативности действительности»⁵. Это было новшеством: в романтическую эпоху точки зрения автора и повествователя обычно сливались в едином лирическом «я», а другие точки зрения корректировались авторской.

«Онегин» — радикально новаторское произведение в отношении не только композиции, но и стиля. В своей поэтике Пушкин синтезировал основополагающие черты двух антагонистических литературных направлений начала XIX века — младокарамзинизма и младоархаизма. Первое направление ориентировалось на средний стиль и разговорную речь образованного общества, было открыто новоевропейским заимствованиям. Второе соединяло высокий и низкий стили, опиралось, с одной стороны, на книжно-церковную литературу и одическую традицию XVIII века, с другой — на народную словесность. Отдавая предпочтение тем или иным языковым средствам, зрелый Пушкин не руководствовался внешними эстетическими нормативами, а делал свой выбор исходя из того, как работают эти средства в рамках конкретного замысла. Новизна и необычность пушкинского стиля поражали современников — а мы с детства к нему привыкли и нередко не чувствуем стилистических контрастов, а тем более стилистических нюансов. Отказавшись от априорного деления стилистических регистров на «низкие» и «высокие», Пушкин не только создал принципиально новую эстетику, но и решил важнейшую культурную задачу — синтез

языковых стилей и создание нового национального литературного языка.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

«Евгений Онегин» опирался на широчайшую европейскую культурную традицию от французской психологической прозы XVII–XVIII веков до современной Пушкину романтической поэмы, в том числе на опыты пародийной литературы, «остраняющей»^{*1} литературный стиль (от французской и русской ироикомической^{*2} и бурлескной^{*3} поэзии до байроновского «Дон Жуана») и сюжетное повествование (от Стерна до Гофмана и того же Байрона). От ироикомики «Евгений Онегин» унаследовал игровое столкновение стилей и пародирование элементов героического эпоса (таково, например, «вступление», имитирующее зачин классической эпопеи). От Стерна и стернианцев унаследованы переставленные главы и пропущенные строфы, беспрестанное отвлечение от основной фабульной нити, игра с традиционным сюжетосложением: завязка и развязка отсутствуют, а ироикомическое «вступление» по-стерниански перенесено в главу седьмую. От Стерна

^{*1} Остранение — литературный прием, превращающий привычные вещи и события в странные, будто увиденные в первый раз. Остранение позволяет воспринимать описываемое не автоматически, а более осознанно. Термин введен литературоведом Виктором Шкловским.

^{*2} Ироикомическая поэзия — пародия на эпическую поэзию: высоким стилем здесь описывается бытовая жизнь с попойками и драками. Среди характерных примеров русских ироикомических поэм — «Елисей, или Раздраженный Вакх» Василия Майкова, «Опасный сосед» Василия Пушкина.

^{*3} В бурлескной поэзии комический эффект строится на том, что грубым и вульгарным языком говорят эпические герои и боги. Если изначально ироикомическая поэзия, где о низком говорилось высоким слогом, противопоставлялась бурлеску, то к XVIII веку оба вида поэзии воспринимались как один шуточный жанр.

и от Байрона — лирические отступления, занимающие едва ли не половину романного текста.

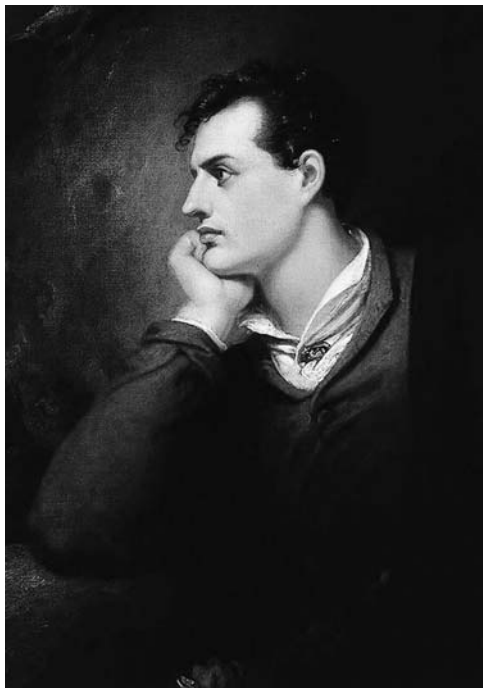
КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Первоначально роман печатался сериально, поглавно — с 1825 по 1832 год. Помимо целых глав, выходявших отдельными книжками, в альманахах, журналах и газетах появлялись, как мы бы сейчас сказали, тизеры — небольшие фрагменты романа (от нескольких строк до десятка страниц).

Первое сводное издание «Евгения Онегина» было напечатано в 1833 году. Последнее прижизненное издание («Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Издание третье») вышло в свет в январе 1837 года, за полторы недели до гибели поэта.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

По-разному, в том числе в ближайшем окружении поэта. В 1828 году Баратынский писал Пушкину: «Вышли у нас еще две песни “Онегина”. Каждый о них толкует по-своему: одни хвалят, другие бранят, и все читают. Я очень люблю обширный план твоего “Онегина”; но большее число его не понимает». Лучшие критики писали о «пустоте содержания» романа (Иван Киреевский), заявляли, что эта «блестящая игрушка» не может иметь «притязаний ни на единство содержания, ни на цельность состава, ни на стройность изложения» (Николай Надеждин),

Ричард Уэстолл. Джордж Гордон Байрон.
1813 год. Национальная
портретная галерея, Лондон

находили в романе «недостаток связи и плана» (Борис Федоров), «множество беспрерывных отступлений от главного предмета» в нем считали «утомительным» (он же) и, наконец, приходили к выводу, что поэт «повторяет сам себя» (Николай Полевой), а последние главы знаменуют «совершенное падение» пушкинского таланта (Фаддей Булгарин).

В общем, «Онегина» приняли так, что Пушкин отказался от мысли продолжать роман: он «свернул его оставшуюся часть до одной главы, а на претензии зоилов ответил “Домиком в Коломне”, весь пафос которого — в утверждении абсолютной свободы творческой воли»⁶.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Одним из первых «огромное историческое и общественное значение» «Евгения Онегина» осознал Белинский⁷. В 8-й и 9-й статьях (1844–1845) так называемого пушкинского цикла (формально это была очень развернутая рецензия на первое посмертное издание сочинений Пушкина) он выдвигает и обосновывает тезис о том, «что “Онегин” есть поэтически верная действительности картина русского общества в известную эпоху»⁸, а потому «“Онегина” можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением»⁹.

Двадцать лет спустя ультралевый радикал Дмитрий Писарев в статье «Пушкин и Белинский» (1865) призвал кардинально пересмотреть эту концепцию: по мнению Писарева, Ленский — бессмысленный «идеалист и романтик», Онегин с начала до конца романа «остается ничтожнейшим пошляком», Татьяна — просто дура (в ее голове «количество мозга было весьма незначительное» и «это малое количество находилось в самом плачевном состоянии»¹⁰). Вывод: вместо того, чтобы работать, герои романа занимаются ерундой. Писаревское прочтение «Онегина» высмеял Дмитрий Минаев в блистательной пародии «Евгений Онегин нашего времени» (1865), где главный герой представлен бородатым нигилистом — чем-то вроде тургеневского Базарова.

Еще через полтора десятилетия Достоевский в своей «пушкинской речи» (1880) выдвинул третью (условно «почвенническую») интерпретацию романа. Достоевский согласен с Белинским в том, что

в «Евгении Онегине» «воплощена настоящая русская жизнь с такою творческою силой и с такою законченностию, какой и не бывало до Пушкина»¹¹. Так же, как для Белинского, считавшего, что Татьяна воплощает «тип русской женщины»¹², Татьяна для Достоевского — «это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины», «это тип твердый, стоящий твердо на своей почве. Она глубже Онегина и, конечно, умнее его»¹³. В отличие от Белинского Достоевский полагал, что Онегин вообще не годится в герои: «Может быть, Пушкин даже лучше бы сделал, если бы назвал свою поэму именем Татьяны, а не Онегина, ибо бесспорно она главная героиня поэмы»¹⁴.

Отрывки из «Онегина» начали включаться в учебные хрестоматии еще с 1843 года¹⁵. К концу XIX века складывается гимназический канон, выделивший «главные» художественные произведения 1820–1840-х годов, — в этом ряду обязательное место занимают «Горе от ума», «Евгений Онегин», «Герой нашего времени» и «Мертвые души». Советские школьные программы в этом отношении продолжают дореволюционную традицию — варьируется лишь интерпретация, но и она в конечном счете так или иначе базируется на концепции Белинского. А пейзажно-календарные фрагменты «Онегина» заучиваются наизусть с младших классов как фактически самостоятельные, идеологически нейтральные и эстетически образцовые произведения («Зима! Крестьянин, торжествуя...», «Гонимы вешними лучами...», «Уж небо осенью дышало...» и др.).

КАК «ОНЕГИН» ПОВЛИЯЛ НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ?

«Евгений Онегин» быстро становится одним из ключевых текстов русской литературы. Проблематика, фабульные ходы и нарративные приемы многих русских романов и повестей прямо восходят к пушкинскому роману: главный герой как «лишний человек», не имеющий возможности найти в жизни применения своим недюжинным талантам; героиня, нравственно превосходящая главного героя; контрастная «парность» персонажей; даже дуэль, в которую ввязывается герой. Это тем более поразительно, что «Евгений Онегин» — это «роман в стихах», а в России с середины 1840-х годов наступает полувекковая эпоха прозы.

Еще Белинский отметил, что «Евгений Онегин» имел «огромное влияние и на современную... и на последующую русскую литературу»¹⁶. Онегин, подобно лермонтовскому Печорину, есть «герой нашего времени», и, наоборот, Печорин — «это Онегин нашего времени»¹⁷. Лермонтов открыто указывает на эту преемственность с помощью антропонимики: фамилия Печорина образована от названия северной реки Печоры, точно так же, как фамилии антиподов Онегина и Ленского — от названий расположенных очень далеко одна от другой северных рек Онеги и Лены.

Более того, сюжет «Евгения Онегина» явно повлиял на лермонтовскую «Княжну Мери». По словам Виктора Виноградова, «пушкинских героев сменили герои нового времени. <...> Потомок Онегина — Печорин разъеден рефлексией. Он уже не способен отдаться даже запоздалому чувству любви к женщине с той непосредственной страстностью, как Онегин. Пушкинскую

Таню сменила Вера, которая все-таки изменила мужу, предавшись Печорину»¹⁸. Двум парам героев и героинь (Онегин и Ленский; Татьяна и Ольга) соответствуют две аналогичные пары (Печорин и Грушницкий; Вера и княжна Мери); между героями происходит дуэль. У Тургенева в «Отцах и детях» воспроизводится отчасти похожий комплекс персонажей (антагонисты Павел Кирсанов и Евгений Базаров; сестры Катерина Локтева и Анна Одинцова), но дуэль приобретает откровенно трагический характер. Поднятая в «Евгении Онегине» тема «лишнего человека» проходит через все важнейшие произведения Тургенева, которому, собственно, и принадлежит этот термин («Дневник лишнего человека», 1850).

«Евгений Онегин» — первый русский метароман, создавший особую традицию. В романе «Что делать?» Чернышевский рассуждает о том, как найти сюжет для романа и выстроить его композицию, а пародийный «проницательный читатель» Чернышевского живо напоминает пушкинского «читателя благородного», к которому иронически обращается автор-повествователь. «Дар» Набокова — это роман о поэте Годунове-Чердынцеве, который сочиняет стихи, желая писать как боготворимый им Пушкин, и одновременно вынужден работать над биографией ненавидимого им Чернышевского. У Набокова, так же как впоследствии у Пастернака в романе «Доктор Живаго», стихи пишет герой, не равный автору — прозаику и поэту. Точно так же в «Евгении Онегине» Пушкин пишет стихотворение Ленского: это пародийное стихотворение, написанное в поэтике Ленского (персонажа), а не Пушкина (автора).

ЧТО ТАКОЕ «ОНЕГИНСКАЯ СТРОФА»?

Все поэмы Пушкина, созданные до 1830 года, написаны астрофическим^{*1} ямбом. Исключение — «Онегин», первое крупное произведение, в котором поэт опробовал строгую строфическую форму.

Каждая строфа «помнит» о своих предшествовавших употреблениях: октава неминуемо отсылает к итальянской поэтической традиции, спенсера строфа^{*2} — к английской. Видимо, поэтому Пушкин не захотел воспользоваться готовой строфической структурой: необычное содержание требует необычной формы.

Для своего главного произведения Пушкин изобрел уникальную строфу, не имевшую прямых прецедентов в мировой поэзии. Вот формула, записанная самим автором: «4 croisés, 4 de suite, 1.2.1. et deux». То есть: четверостишие перекрестной рифмовки^{*3}, четверостишие смежной рифмовки^{*4}, четверостишие опоясывающей рифмовки^{*5} и заключительное двустишие. Возможные строфические образцы: одна из разновидностей одической^{*6} строфы¹⁹ и сонет²⁰.

Первая рифма строфы — женская^{*7}, заключительная — мужская^{*8}. Женские рифменные пары не следуют за женскими, мужские за мужскими (правило альтернанса). Размер — четырехстопный ямб, самая распространенная метрическая форма в поэтической культуре пушкинского времени.

Формальная строгость лишь оттеняет выразительность и гибкость поэтической речи: «Часто первое четверостишие задает тему строфы, второе ее развивает, третье образует тематический поворот, а двустишие дает четко сформулированное разрешение темы»²¹. Заключительные двустишия нередко содержат остроты и напоминают тем самым краткие эпиграммы. При этом следить за развитием сюжета можно, читая одни только первые четверостишия²².

На фоне такой строгой урегулированности эффектно выделяются отступления. Во-первых, это вкрапления иных метрических форм: письма героев друг к другу, написанные астрофическим четырехстопным ямбом, и песня девушек, написанная трехстопным хореем с дактилическими^{*9} окончаниями. Во-вторых, это редчайшие

*1 Не разбитым на строфы.

*2 Девятистрочная строфа: восемь стихов в ней написаны пятистопным ямбом, а девятый — шестистопным. Названа в честь английского поэта Эдмунда Спенсера, который ввел эту строфу в поэтическую практику.

*3 Наиболее употребляемый вид рифмовки в четверостишии, строки рифмуются через одну (abab).

*4 Здесь рифмуются смежные строки: первая со второй, третья с четвертой (aabb). Такой вид рифмовки наиболее распространен в русской народной поэзии.

*5 В этом случае первая строка рифмуется с четвертой, а вторая с третьей (abba). Первая и четвертая строки как бы опоясывают четверостишие.

*6 Строфа из десяти строк, строки подразделяются на три части: в первой — четыре строки, во второй и третьей — по три. Способ рифмовки — abab ccd eed. Как и следует из названия, в русской поэзии использовалась по преимуществу для написания од.

*7 Рифма с ударением на предпоследнем слоге.

*8 Рифма с ударением на последнем слоге.

*9 Рифма с ударением на третьем от конца слоге.

(и оттого очень выразительные) пары строф, где фраза, начатая в одной строфе, завершается в следующей. Например, в главе третьей:

*Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью
И задыхаясь, на скамью*

XXXIX.
Упала...

Межстрофный перенос метафорически изображает падение героини на скамейку после долгого бега²³. Тот же прием использован в описании смерти Ленского, который падает, убитый выстрелом Онегина.

Помимо многочисленных пародий на «Онегина», позднейшие образцы онегинской строфы включают оригинальные произведения. Однако эту строфу оказалось невозможно использовать без прямых отсылок к пушкинскому тексту. Лермонтов в первой же строфе «Тамбовской казначейши» (1838) заявляет: «Пищу Онегина размером». Вячеслав Иванов в стихотворном вступлении к поэме «Младенчество» (1913–1918) оговаривается: «Размер заветных строф приятен», а первую строчку первой строфы начинает словами: «Отец мой был из нелюдимых...» (как в «Онегине»: «Мой дядя самых честных правил...»). Игорь Северянин сочиняет «роман в строфах» (!) под заглавием «Рояль Леандра»

(1925), и в стихотворном вступлении объясняется: «Пищу онегинской строфой».

Были попытки варьировать пушкинскую находку: «В порядке соперничества изобретались и другие строфы, подобные онегинской. Почти тотчас вслед за Пушкиным Баратынский написал свою поэму “Бал” тоже четырнадцатистишиями, но другого строения... А в 1927 году В. Набоков написал “Университетскую поэму”, перевернув порядок рифмовки онегинской строфы от конца к началу»²⁴. Набоков на этом не остановился: последний абзац «Дара» только выглядит прозаическим, а на деле представляет собой записанную в строчку онегинскую строфу.

ЧЕМ ИНТЕРЕСНЫ В РОМАНЕ ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПЕРСОНАЖИ?

Места действия романа меняются от главы к главе: Санкт-Петербург (новая европейская столица) — деревня — Москва (национально-традиционный патриархальный центр) — юг России и Кавказ. Персонажи удивительным образом варьируются в соответствии с топонимикой.

Филолог Максим Шапир, проанализировав систему именования персонажей в пушкинском романе, показал, что они разбиты на несколько категорий. «Степные» помещики — персонажи сатирические — наделены говорящими именами (Пустьяков, Петушков, Буянов и т. п.). Московских бар автор называет без фамилий, только по имени и отчеству (Лукерья Львовна, Любовь Петровна, Иван Петрович, Семен Петрович и т. д.). Представители петербургского большого света — реальные лица

из пушкинского окружения — описаны полуднамеками, но читатели легко узнавали в этих анонимных портретах реальных людей: «Старик, по-старому шутивший: / Отменно тонко и умно, / Что нынче несколько смешно» — его высокопревосходительство Иван Иванович Дмитриев, а «На эпиграммы падкий, / На все сердитый господин» — его сиятельство граф Гавриил Францевич Моден²⁵.

Другие современники поэта названы полными именами, если речь идет о публичной стороне их деятельности. Например, «певец Пиров и грусти томной» — это Баратынский, как разъясняет сам Пушкин в 22-м примечании к «Евгению Онегину» (одно из самых известных произведений раннего Баратынского — поэма «Пиры»). «Другой поэт», который «роскошным слогом / Живописал нам первый снег», — это князь Вяземский, автор элегии «Первый снег», объясняет Пушкин в 27-м примечании. Но если тот же самый современник «выступает на страницах романа в качестве частного лица, поэт прибегает к звездочкам и сокращениям»²⁶. Поэтому, когда с князем Вяземским встречается Татьяна, Пушкин сообщает: «К ней как-то В. подсел» (а не «К ней как-то Вяземский подсел», как печатают современные издания). Знаменитый пассаж «Du comme il faut (Шишков, прости: / Не знаю, как перевести)» не появлялся на свет в этом виде при жизни Пушкина. Сперва поэт намеревался использовать инициал «Ш.»., но затем заменил его тремя астерисками*¹. Друг Пушкина и Баратынского Вильгельм Кюхельбекер полагал, что эти строки адресованы ему, и читал их: «Вильгельм, прости: / Не знаю,

как перевести»²⁷. Дописывая за автора имена, поданные в тексте только намеком, современные редакторы, заключает Шапир, одновременно нарушают нормы пушкинской этики и поэтики.

КОГДА ПРОИСХОДЯТ ОПИСАННЫЕ В РОМАНЕ СОБЫТИЯ И СКОЛЬКО ЛЕТ ГЕРОЯМ?

Внутренняя хронология «Евгения Онегина» давно интригует читателей и исследователей. В какие годы происходит действие? Сколько лет героям в начале романа и в конце? Сам Пушкин ничтоже сумняшеся писал (и не где-нибудь, а в примечаниях, входящих в текст «Онегина»): «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю» (примечание 17). Но совпадает ли романное время с историческим? Посмотрим, что нам известно из текста.

Во время дуэли Онегину 26 лет («...Дожив без цели, без трудов / До двадцати шести годов...»). Онегин расстался с Автором за год до этого. Если биография Автора повторяет пушкинскую, то это расставание произошло в 1820 году (в мае Пушкин был сослан на юг), а дуэль состоялась в 1821 году. Здесь возникает первая неувязка. Дуэль состоялась через два дня после именин Татьяны, а именины — Татьянин день — это 12 января (по старому стилю). Согласно тексту, именины праздновали в субботу (в черновиках — в четверг). Однако в 1821 году 12 января пришлось на среду. Впрочем, может быть,

*1 Астериск — типографский знак в виде звездочки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

И жить торопится и чувствовать спешит.

К. Вяземский

I

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, Боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!»

II

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных. —
Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,

Где может быть родились вы,
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня¹.

III

Служив отлично-благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.
Судьба Евгения хранила:
Сперва *Madame* за ним ходила,
Потом *Monsieur* ее сменил;
Ребенок был резов, но мил.
Monsieur l'Abbé, француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в Летний сад гулять водил.

IV

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.
Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде;
Как *dandy*² лондонский одет —
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал,
И кланялся непринужденно;

Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.

V

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава Богу,
У нас немудрено блеснуть.
Онегин был, по мнению многих
(Судей решительных и строгих),
Ученый малый, но педант:
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре,
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм.

VI

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыне,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить *vale* *¹,
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.
Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли:
Но дней минувших анекдоты

*¹ будь здоров (*лат.*).

От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.

VII

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.
Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита,
И был глубокий эконом,
То есть, умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

VIII

Всего, что знал еще Евгений,
Пересказать мне недосуг;
Но в чем он истинный был гений,
Что знал он тверже всех наук,
Что было для него измлада
И труд и мука и отрада,
Что занимало целый день
Его тоскующую лень, —
Была наука страсти нежной,
Которую воспел Назон,
За что страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.

IX

.....
.....
.....

X

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным, иль равнодушным!
Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как небрежен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!
Как взор его был быстр и нежен,
Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!

XI

Как он умел казаться новым,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньем готовым,
Приятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,
Невинных лет предубежденья
Умом и страстью побеждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звук,
Преследовать любовь, и вдруг

Добиться тайного свиданья...
И после ей наедине
Давать уроки в тишине!

XII

Как рано мог уж он тревожить
Сердца кокеток записных!
Когда ж хотелось уничтожить
Ему соперников своих,
Как он язвительно злословил!
Какие сети им готовил!
Но вы, блаженные мужья,
С ним оставались вы друзья:
Его ласкал супруг лукавый,
Фобласа давний ученик,
И недоверчивый старик,
И рогоносец величавый,
Всегда довольный сам собой,
Своим обедом и женой.

XIII. XIV

.....
.....
.....

XV

Бывало, он еще в постеле:
К нему записочки несут.
Что? Приглашенья? В самом деле,
Три дома на вечер зовут:
Там будет бал, там детский праздник.
Куда ж поскачет мой проказник?
С кого начнет он? Все равно:

Везде поспеть немудрено.
Покамест в утреннем уборе,
Надев широкий *боливар*³,
Онегин едет на бульвар,
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брежет
Не прозвонит ему обед.

XVI

Уж темно: в санки он садится.
«Пади, пади!» — раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник.
К *Talon*⁴ помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин.
Вошел: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток;
Пред ним *roast-beef* окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром Лимбургским живым
И ананасом золотым.

XVII

Еще бокалов жажда просит
Залить горячий жир котлет,
Но звон брегета им доносит,
Что новый начался балет.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почетный гражданин кулис,
Онегин полетел к театру,

Где каждый, вольностью дыша,
Готов охлопать *entrechat* *¹,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать (для того,
Чтоб только слышали его).

XVIII

Волшебный край! там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,
И переимчивый Княжнин;
Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С молодой Семеновой делил;
Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый;
Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой,
Там и Дидло⁵ венчался славой,
Там, там под сению кулис
Младые дни мои неслись.

XIX

Мои богини! что вы? где вы?
Внемлите мой печальный глас:
Всё те же ль вы? другие ль девы,
Сменив, не заменили вас?
Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полет?
Иль взор унылый не найдет
Знакомых лиц на сцене скучной,

*¹ фигура в балете (*фр.*).

И, устремив на чуждый свет
Разочарованный лорнет,
Веселья зритель равнодушный,
Безмолвно буду я зевать
И о былом вспоминать?

XX

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла, всё кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвившись, занавес шумит.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет,
И быстрой ножкой ножку бьет.

XXI

Всё хлопает. Онегин входит,
Идет меж кресел по ногам,
Двойной лорнет скосясь наводит
На ложи незнакомых дам;
Все ярусы окинул взором,
Всё видел: лицами, убором
Ужасно недоволен он;
С мужчинами со всех сторон
Раскланялся, потом на сцену
В большом рассеяньи взглянул,
Отворотился — и зевнул,

И молвил: «всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел»⁵.

XXII

Еще амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят;
Еще усталые лакеи
На шубах у подъезда спят;
Еще не перестали топтать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Везде блистают фонари;
Еще, прозябнув, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокруг огней,
Бранят господ и бьют в ладони:
А уж Онегин вышел вон;
Домой одеться едет он.

XXIII

Изобразу ль в картине верной
Уединенный кабинет,
Где мод воспитанник примерный
Одет, раздет и вновь одет?
Всё, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам,
Всё, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной, —
Всё украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.